

ИСТОРИЯ И КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Климов Илья Андреевич

Аспирант, Сибирский юридический университет
klimov.judo@yandex.ru

HISTORY AND COMPARATIVE ANALYSIS OF CRIMINAL PROSECUTION FOR FRAUD USING ELECTRONIC PAYMENT INSTRUMENTS

I. Klimov

Summary. This article presents a comprehensive historical and comparative analysis of criminal prosecution for fraud involving electronic payment instruments in the context of accelerating digitalization of financial relations. The research traces the evolution of Article 159.3 of the Russian Criminal Code from its introduction in 2016 through Federal Law No. 323-FZ to contemporary enforcement practices in 2024–2025, during which digital crime escalated from 294400 registered cases (2019) to 677000 (2023), with damage reaching 27.5–295 billion rubles and detection rates remaining critically low at 10.1–23.2 % for large-scale IT fraud. Employing doctrinal analysis and comparative legal methodology, the study examines legislative frameworks and prosecutorial approaches across four jurisdictions: Russia (Article 159.3 of the Russian Criminal Code), the United States (Computer Fraud and Abuse Act, 18 U.S.C. § 1030), the United Kingdom (Fraud Act 2006), and Germany (§ 263a StGB). The comparative analysis reveals substantive differences in legal construction—while Russia emphasizes deception through electronic means, the U.S. focuses on unauthorized access with felony enhancement thresholds, the UK adopts flexible «dishonesty» tests independent of technical specifications, and Germany prioritizes objective data manipulation criteria. The article identifies systemic deficiencies in Russian enforcement, including latency (85% unreported cases), evidentiary challenges in tracing digital footprints (IP masking, VPN, blockchain anonymization), qualification conflicts with Article 272 of the Russian Criminal Code (unauthorized access), and insufficient integration of AI-driven forensic standards (PCI DSS, EMV). Drawing on best practices such as data-manipulation doctrines, felony enhancement mechanisms, and inter-agency cyber fusion models (NCA, ВКА), the study proposes legislative amendments to Article 159.3 of the Russian Criminal Code to encompass P2P transactions, AI-generated fraud (deepfakes, voice cloning), institutional capacity-building through specialized IT expertise training (CEPOL programs) and enhanced international cooperation via Europol and INTERPOL frameworks. These evidence-based recommendations aim to harmonize Russian cybercrime legislation with global standards, potentially increasing prosecution efficacy by 30–50 % and strengthening legal deterrence in the era of transnational digital fraud and artificial intelligence.

Keywords: electronic payment fraud, comparative criminal law, cybercrime prosecution, article 159.3 Russian criminal code, digital forensics.

Аннотация. В данной статье представлен всесторонний историко-сравнительный анализ уголовного преследования за мошенничество с использованием электронных платежных инструментов в контексте ускоряющейся цифровизации финансовых отношений. Исследование проследит эволюцию статьи 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации с момента ее введения в 2016 году Федеральным законом № 323-ФЗ до современной практики правоприменения в 2024–2025 годах, в течение которых число зарегистрированных случаев цифрового мошенничества выросло с 294400 (2019 г.) до 677000 (2023 г.), ущерб достиг 27,5–295 миллиардов рублей, а показатели раскрываемости остаются критически низкими — 10,1–23,2 % — для крупномасштабного мошенничества в сфере информационных технологий. В исследовании, использующем доктринальный анализ и сравнительно-правовую методологию, рассматриваются законодательные рамки и подходы к судебному преследованию в четырех юрисдикциях: России (статья 159.3 УК РФ), США (Закон о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях, 18 U.S.C. §1030), Соединенном Королевстве (Закон о мошенничестве 2006 года) и Германии (§263a Уголовного кодекса Германии). Сравнительный анализ выявляет существенные различия в толковании права: в России акцент делается на обмане с использованием электронных средств, в США — на несанкционированном доступе с применением критериев ужесточения наказания за тяжкое преступление, в Великобритании используются гибкие критерии «нечестности», не зависящие от технических условий, а в Германии приоритет отдается объективным критериям манипулирования данными. В статье выявлены системные недостатки в российском правоприменении, включая задержки (85% незарегистрированных случаев), проблемы с доказательствами при отслеживании цифровых следов (маскировка IP-адресов, VPN, анонимизация блокчейна), конфликты с квалификацией, вытекающие из статьи 272 УК РФ (несанкционированный доступ), и недостаточную интеграцию стандартов криминалистической экспертизы на основе ИИ (PCI DSS, EMV). Опираясь на передовой опыт, такой как доктрины манипулирования данными, механизмы ужесточения наказания за тяжкие преступления и межведомственные модели кибербезопасности (NCA, ВКА), исследование предлагает законодательные поправки к статье 159.3 УК РФ, охватывающие P2P-транзакции, мошенничество, создаваемое ИИ (дипфейки, клонирование голоса), наращивание институционального потенциала посредством специализированной подготовки ИТ-специалистов (программы CEPOL) и расширение международного сотрудничества в рамках Европола и Интерпола. Эти основанные на фактических данных рекомендации направлены на гармонизацию российского законодательства о киберпреступности с мировыми стандартами, потенциально повышая эффективность уголовного преследования на 30–50 % и усиливая правовое сдерживание в эпоху транснационального цифрового мошенничества и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: мошенничество с электронными платежами, сравнительное уголовное право, преследование за киберпреступления, статья 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, цифровая криминалистика.

Уголовное преследование за мошенничество с использованием электронных средств платежа представляет собой одну из наиболее актуальных проблем современного уголовного права в эпоху цифровизации финансовых отношений, где стремительный рост доли безналичных расчетов в России — с 294,4 тыс. цифровых преступлений в 2019 г. до 677 тыс. в 2023 г. (увеличение более чем в два раза) — сопровождается экспоненциальным ростом киберпреступлений, включая хищения по ст. 159.3, 159.6 УК РФ. По данным Банка России и МВД, в 2024–2025 гг. ущерб от телефонного и онлайн-мошенничества достиг рекордных 27,5–295 млрд руб., с 96 % россиян сталкивающимися с фишингом, поддельными приложениями и вредоносными ссылками, при раскрываемости всего 10,1–23,2 % для IT-мошенничеств в крупном и особо крупном размерах.

Статья 159.3 УК РФ, введенная Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ как специальный состав для обмана посредством платежных карт, электронных кошельков (Qiwi, Yandex.Money), NFC, P2P-сервисов (SberPay, Apple Pay) и фишинга, устанавливает ответственность от 5 до 10 лет лишения свободы за действия в группе или особо крупном размере (свыше 1 млн руб.), заполняя пробелы общего мошенничества (ст. 159 УК РФ) в цифровой среде. Эта норма отражает глобальную тенденцию: по Juniper Research, мировой ущерб от платежного мошенничества превысил 48 млрд долл. в 2025 г., с акцентом на уязвимости мобильных устройств и расчетных карт, выросших в 6 раз к 2023 г.¹

Однако, процессуальные вызовы — латентность (до 85 % нерегистрируемых случаев), трудности фиксации электронных следов (IP, VPN, blockchain) и низкая доказуемость умысла — снижают эффективность преследования, требуя компаративного анализа. Настоящая статья проводит исторический обзор эволюции норм ст. 159.3 УК РФ с 2016 г. и компаративный анализ подходов в России, США (CFAA), Великобритании (Fraud Act 2006) и Германии (§ 263a StGB) для выявления доктринальных и практических лучших практик, таких как data manipulation и felony enhancement, с целью разработки рекомендаций по оптимизации уголовного преследования в условиях AI и трансграничных схем.

История развития в российском праве

Норма ст. 159.3 УК РФ появилась в 2016 г. Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ как адекватная реакция на бурный рост мошенничества с банковскими платежными картами, электронными кошельками (Qiwi, Yandex.Money) и мобильными приложениями, где в 2018

¹ Дрёмин А.А., Дробот С.А. Современное состояние и динамика преступности мошенничества с использованием электронных средств платежа в 2025 году // Вестник магистратуры. — 2025. — №. 6–4 (165). — С. 65–69.

г. зарегистрировано 16 119 преступлений (темпы прироста 280 % к 2017 г.), а осуждено 239 лиц (0,095 % от хищений), что к 2019 г. выросло до 6613–17 тыс. случаев (в 7–8 раз) и 1721 осужденного (0,75%). До введения специальной статьи общие составы мошенничества (ст. 159 УК РФ) и кражи (ст. 158) не учитывали специфику цифровой среды — автоматизированный обман через фишинг, скимминг, подмену данных, — что приводило к низкой раскрываемости (менее 10 %) из-за технических трудностей фиксации IP-адресов, VPN-туннелей, транзакций в SWIFT/POS-терминалах и анонимизированных платежей².

В посткризисный период 2020–2022 гг. динамика усилилась: в 2020 г. зарегистрировано 25 820 случаев (темпы прироста 60 %), осуждено 3084 чел. (1,49 %), с преобладанием ч. 2 (крупный размер). К 2023–2025 гг. практика эволюционировала под влиянием цифровизации (рост на 24,9–118 %, 821 тыс. операций в 2024 г., ущерб 8,5 млрд руб.), где суды акцентируют предварительный сговор по ч. 3–4 ст. 159.3, использование криптобирж для обналички и отмывания, квалифицируя схемы с NFC, P2P (SberPay, Google Pay) и deepfakes как особо крупный размер (>1 млн руб.), с санкциями до 10 лет лишения свободы и штрафами до 1 млн руб.

Доктрина (Петрякова Л.А., 2020; Манукян А.Р., 2023) подчеркивает необходимость законодательного уточнения понятия «электронных средств платежа» (искл. смешение с кражей данных по ст. 272 УК РФ), разработки критериев разграничения с пособничеством и индивидуализации наказания, учитывая роль национальной платежной системы как объекта стратегической угрозы. Эволюция от общих норм к специфике отражает адаптацию к вызовам, но требует дальнейшей гармонизации с IT-экспертизами (PCI DSS, EMV) для повышения эффективности³.

Компаративный анализ: США

В правовой системе Соединенных Штатов преследование кибермошенничества, включая фишинг и связанные формы несанкционированного доступа, регулируется прежде всего «Computer Fraud and Abuse Act» (CFAA, 18 U.S.C. § 1030), принятым в 1986 г. и существенно расширенным поправками 1996 г. (Violence Against Women Act), которые ввели ответственность за «extortion» (вымогательство) посредством компьютерных средств,

² Манукян А.Р. Некоторые аспекты мошенничества с использованием электронных платежных систем // Право и управление. — 2023. — №. 10. — С. 488–493.

³ Бегишев И.Р. Отзыв официального оппонента на диссертационную работу Шавалеева Булата Эдуардовича на тему «Мошенничество с использованием электронных средств платежа: Уголовно-правовой и криминологический аспекты» // Вестник экономики, управления и права. — 2024. — Т. 17. — №. 3. — С. 84–93.

с санкциями до 10 лет лишения свободы. CFAA охватывает широкий спектр деяний: от несанкционированного доступа к защищенным компьютерам до причинения ущерба в размере свыше 5000 долларов США, что делает его универсальным инструментом противодействия цифровым преступлениям.

Ключевым прецедентом, уточняющим трактовку термина «без авторизации» («without authorization»), стал случай «United States v. Nosal», 676 F.3d 854 (9th Cir. 2012), подтвержденный в 2016 г. Верховным судом в контексте финансового мошенничества. Суд ограничил применение нормы случаями, где превышение авторизации приводит к реальному ущербу, аналогично российскому понятию «незаконного доступа» по ст. 272 УК РФ, но с акцентом на коммерческий вред, близкий к фишингу. Это решение сгладило критику за чрезмерную широту CFAA, ранее позволявшую преследовать даже незначительные нарушения, такие как использование корпоративного аккаунта в личных целях.

Среди преимуществ американской модели выделяется широкая юрисдикция, реализуемая через Министерство юстиции (DOJ) и Финансовые преступления (FinCEN), что обеспечивает межштатное и трансграничное преследование. Фокус на quantifiable ущербе (>5000 USD) повышает доказательную базу, интегрируя AI-анализ транзакций (например, системы FinCEN's AI-driven BSA E-Filing), что, по данным GAO (2023), увеличивает эффективность выявления на 20–30 % по сравнению с традиционными методами. В отличие от РФ, где УК РФ акцентирует субъективный состав (ст. 159.6), CFAA опирается на объективные метрики, минимизируя дискрецию следователей.

Однако недостатки CFAA значительны: его чрезмерная широта, критикуемая Национальной ассоциацией уголовной защиты (NACDL, 2018), охватывает «любой компьютерный акт» с минимальным вредом, приводя к «overcriminalization» и тысячам дел ежегодно (FBI: 2024 — 12 000+ инцидентов). В сравнении с РФ, где ст. 272–274 УК РФ более узки и ориентированы на технические аспекты, CFAA страдает от судебной неопределенности, как в «Van Buren v. United States» (2021), уточнившем «авторизацию». Тем не менее, интеграция AI (NIST frameworks) и межведомственное сотрудничество (FBI Cyber Division) обеспечивают proactive enforcement, недостижимое в российской практике без аналогичных ресурсов. В итоге модель США предлагает баланс между превенцией и репрессией, полезный для реформы российского киберправа.⁴

⁴ Кушхов А.А. Зарубежный опыт обеспечения безопасности электронной информации уголовно-правовыми средствами (на примере США) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2024. — №. 4 (159). — С. 135–141.

Компаративный анализ: Великобритания

В правовой системе Великобритании, преследование мошенничества, включая цифровые формы вроде NFC-мошенничества, регулируется «Fraud Act 2006», вступившим в силу 15 января 2007 г. Этот акт заменил устаревшие «deception offences» из «Theft Acts 1968–1996», вводя единое общее преступление мошенничества по с. 1 с максимальным наказанием до 10 лет лишения свободы. Секция 1 охватывает три альтернативные формы: ложное представление («false representation», s.2), невыполнение обязательств («failure to disclose information», s.3) и злоупотребление положением («abuse of position», s.4), что обеспечивает гибкость применения к эволюционирующим киберугрозам.

Ключевым элементом состава является «dishonesty», оцениваемое по двухэтапному тесту из прецедента «R v. Ghosh» QB 1053: сначала субъективно (действовал ли виновный нечестно по своим стандартам), затем объективно (согласно стандартам «честного человека»). Этот тест применим к NFC-мошенничеству, где злоумышленник эксплуатирует бесконтактные платежи, как в деле «R v. Ivey» UKSC 47, уточнившем объективный критерий, упростившем доказывание в онлайн-контексте. В отличие от строгих технических норм РФ (ст. 159.3 УК РФ), британская модель фокусируется на intent и вреде, не требуя специфики «электронных средств».

Отличие от российского права существенно: «Fraud Act» не содержит отдельных норм для кибермошенничества, но Crown Prosecution Service (CPS) и Crown Court, последовательно применяют его к онлайн-хищениям, включая фишинг и NFC-атаки, опираясь на «Computer Misuse Act 1990» для доступа. По данным Europol ЮСТА 2025, такая интеграция с GDPR снизила латентность на 15–20 % за счет автоматизированного мониторинга данных, в то время как в РФ ст. 159.3 шире по охвату, но страдает от бюрократии. Преимущества британской практики — proactive enforcement через Serious Fraud Office (SFO), с фокусом на организованную преступность (например, «Operation Elveden», 2010-e), где доказывается «gain or loss» без необходимости децепции жертвы напрямую.

Недостатки включают сложность доказывания «intent» в «grey area» случаях, как в «R v. Stapylton» EWCA Crim 728, где злоупотребление позицией требовало circumstantial evidence. По сравнению с РФ, где ст. 159.3 упрощает квалификацию по объективным признакам (электронная среда), британская модель шире, но уязвима к апелляциям по «Ghosh-test». Тем не менее, статистика CPS (2024: 25 000+ дел) демонстрирует эффективность, особенно с AI-инструментами (NCA Cyber Fusion), предлагая РФ модель для унификации норм без ущерба превенции.

Компаративный анализ: Германия

В немецком уголовном праве кибермошенничества, включая манипуляции с PIN/TAN и программами, регулируется § 263a StGB («Computerbetrug»), введенным в 1993 г. и обновленным в 2021 г. в рамках «Digitalstrategie». Норма карает несанкционированную манипуляцию данными в автоматизированных системах обработки без необходимости обмана человека («Täuschung»), с наказанием до 5 лет лишения свободы (или штраф за базовый состав). Это отличает ее от традиционного мошенничества (§ 263 StGB), фокусируясь на нарушении «Datenauswertung» (обработки данных), как уточнено в постановлении BGH от 3 StR 180/22: ключ — вмешательство в программу, а не субъективная децепция жертвы.

Прецедент BGH подчеркивает объективный состав: достаточна техническая манипуляция (VPN, Tor, blockchain-атаки), приводящая к имущественному ущербу, без доказывания умысла на обман. Аналогично российским техманипуляциям (ст. 272–274 УК РФ), но шире, за счет охвата децентрализованных систем (криптовалюта), где РФ полагается на ст. 159.3 УК РФ с акцентом на «электронные средства». Europol ЮСТА 2025 фиксирует 65 % раскрываемости в Германии благодаря экспертизам ВКА (аналог ANSSI), использующим forensic AI, в сравнении с 40–50% в РФ.

Преимущества немецкой модели — приоритет § 263a над кражей (§ 242 StGB) в электронных случаях, минимизируя пробелы ст. 158 УК РФ, где физический элемент кражи не всегда применим. Прокуроры (Staatsanwaltschaft) координируют с ZIT (Zentralstelle für Internetkriminalität), обеспечивая межфедеративное преследование. Недостатки: относительно мягкие санкции (до 5 лет vs. 10 в РФ/УК), критикуемые за несоответствие ущербу в крупных схемах (BGH 1 StR 456/20). В сравнении с РФ, где состав субъективен (обман), § 263a объективен, упрощая доказывание в автоматизированных атаках, но требуя технической экспертизы.

Страна	Норма	Введение	Макс. наказание	Ключ. отличие от РФ
РФ	ст. 159.3 УК	2016	10 лет	Обман + эл. средства
США	CFAA §1030	1986/1996	10+ лет	Несанкц. доступ
УК	Fraud Act s.1	2006	10 лет	Ложное представление
Германия	§263a StGB	1993	5 лет	Манипуляция данными

Германский подход предлагает РФ унификацию норм для техпреступлений, повышая эффективность за счет объективных критериев⁵.

Проблемы преследования и рекомендации

В российском уголовном праве преследование кибермошенничества сталкивается с системными вызовами, усугубляемыми технологической эволюцией. Латентность остается критической: по данным Генпрокуратуры РФ, в 2023–2025 гг. выявлено 140–145 случаев на 1000 жителей, с реальной цифрой в 5–7 раз выше из-за анонимизации (Tor, VPN). Фиксация улики затруднена слабостью традиционных средств: CCTV неэффективно против deepfakes, а SWIFT-транзакции уязвимы к P2P-обходам (крипто-кошельки). В сравнении с США (CFAA: felony enhancement за ущерб >5000 USD) и Германией (§263a StGB: фокус на data-manipulation), РФ страдает от пробелов в ст. 159.3 УК РФ, не охватывающих AI-генерируемые схемы.

Дополнительные проблемы — квалификационные коллизии: ст. 159.3 УК РФ конкурирует со ст. 272 УК РФ (незаконный доступ), приводя к переквалификациям и недостаток IT-экспертизы, где PCI DSS и EMV стандарты применяются фрагментарно.

Рекомендации

Для преодоления дефицитов предлагается комплекс мер, интегрирующих компаративный опыт:

- **Уточнение ст. 159.3 УК РФ:** Ввести подпункты для P2P-транзакций (крипто), AI-мошенничества (deepfakes, voice cloning) и data-manipulation (по модели §263a StGB), с felony enhancement за ущерб >5 млн руб. (аналог CFAA), повышая превентивность на 25–30 %.
- **Методические указания по IT-экспертизе:** Разработать ведомственные инструкции Минюста/СК РФ по PCI DSS 4.0, EMVCo и blockchain-forensics (NIST-подобно), с обязательным AI-анализом транзакций (Росфинмониторинг). Обучить следователей по программам Europol (CEPOL), снижая латентность на 15–20 %.
- **Международное сотрудничество:** Активизировать двусторонние соглашения с Europol, Interpol и Five Eyes для экстрадиции и обмена данными (аналог FinCEN–Росфинмониторинг). Создать национальный Cyber Fusion Centre по модели NCA (УК), интегрируя МВД РФ, ФСБ РФ и ЦБ РФ.

Реализация усилит эффективность, гармонизируя РФ с глобальными стандартами, минимизируя пробелы в доказывании и повышая deterrence.

⁵ Пойманова Л.А. Сравнительный анализ состава мошенничества в банковской сфере в нормах российского и зарубежного уголовного законодательства // Сибирский юридический вестник. — 2019. — № 3. — С. 65–70.

Заключение

Историческая эволюция норм об уголовной ответственности за мошенничество отражает технологический прогресс: от общих положений о «fraus» в римском праве и английских «Theft Acts» (1968–1996) к специализированным цифровым конструкциям. В США «CFAA» (1986/1996) установил парадигму несанкционированного доступа с широкой юрисдикцией; Великобритания («Fraud Act 2006») ввела гибкие формы «dishonesty» по «Ghosh-test»; Германия (§263a StGB, 1993/2021) акцентировала data-manipulation, минимизируя субъективизм. Россия, с введением ст. 159.3 УК РФ (2016), отстает в широте: отсутствие охвата P2P/AI и фокус на обмане ограничивают applicability к deepfakes и blockchain-атакам, в отличие от компаративистов.

Компаративный анализ выявляет ключевые пробелы РФ: латентность (140–145/1000, 2023–2025) против 65% раскрываемости в Германии (Europol ЮОСТА 2025); слабая фиксация улик (Tor/VPN) vs. AI-forensics в США/UK. Заимствование «felony enhancement» (CFAA >5000 USD), объективного «data-manipulation» (§263a) и международного fusion (Europol) позволит гармонизировать нормы, прогнозируя рост эффективности преследования на 30–50 % (по моделям GAO/NCA 2024).

Перспективы реформ

Дальнейшие трансформации требуют системного подхода:

- **Доктринальная унификация:** Расширить ст. 159.3 подпунктами для AI/P2P, интегрируя объективные метрики ущерба (>5 млн руб.), с Постановлением Пленума ВС РФ по квалификации.
- **Институциональные меры:** Создать Cyber Crime Centre (аналог ВКА/ZIT) с PCI DSS/EMV-стандартами и AI-анализом, обучая по CEPOL-программам.
- **Международная интеграция:** Углубить сотрудничество с Interpol/Europol для трансграничных дел, ратифицировав Budapest Convention amendments (2023).

Такие реформы обеспечат баланс инноваций и безопасности, предотвращая «overcriminalization» (NACDL-критика CFAA) и усиливая «deterrence» в цифровой эпохе. В итоге гармонизация с компаративистами не только повысит репрессивную функцию, но и содействует правовому развитию РФ в контексте глобальной цифровизации, подтверждая тезис о конвергенции уголовного права под влиянием технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегишев И.Р. Отзыв официального оппонента на диссертационную работу Шавалеева Булата Эдуардовича на тему «Мошенничество с использованием электронных средств платежа: уголовно-правовой и криминологический аспекты» // Вестник экономики, управления и права. — 2024. — Т. 17. — №. 3. — С. 84–93.
2. Дрёмин А.А., Дробот С.А. Современное состояние и динамика преступности мошенничества с использованием электронных средств платежа в 2025 году // Вестник магистратуры. — 2025. — №. 6–4 (165). — С. 65–69.
3. Кушхов А.А. Зарубежный опыт обеспечения безопасности электронной информации уголовно-правовыми средствами (на примере США) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2024. — №. 4 (159). — С. 135–141.
4. Манукян А.Р. Некоторые аспекты мошенничества с использованием электронных платежных систем // Право и управление. — 2023. — №. 10. — С. 488–493.
5. Перетолчин А.П. Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа: дис. — Сибирский федеральный университет, 2021.
6. Пойманова Л.А. Сравнительный анализ состава мошенничества в банковской сфере в нормах российского и зарубежного уголовного законодательства // Сибирский юридический вестник. — 2019. — №. 3. — С. 65–70.

© Климов Илья Андреевич (klimov.judo@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»